

Б. В. Андрианов, Л. Ф. Моногарова

**ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ
ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УКЛАДАХ
И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЭТНОГРАФИИ**

В условиях новой фазы мирового революционного процесса и острой идеологической борьбы двух противоположных социально-экономических систем важное значение приобретает творческое освоение и дальнейшее развитие ленинского учения об общественно-экономических укладах, методологическая роль которого в развитии советской исторической, и в частности этнографической, науки была неоднократно отмечена¹. Учение об общественно-экономических укладах было развернуто В. И. Лениным в работах «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности» и «О продовольственном налоге». Фундамент этого учения был заложен в более ранних работах (в первую очередь в монументальном исследовании «Развитие капитализма в России»), где детально рассмотрены исторические связи и выявлены переплетения патриархально-родовых, феодальных и капиталистических элементов в экономической и общественной жизни царской России. В статье «Три источника и три составные части марксизма» В. И. Ленин писал: «Величайшим завоеванием научной мысли явился исторический материализм Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий,— из крепостничества, например, вырастает капитализм»².

В. И. Ленин понимал под общественно-экономическим укладом определенную совокупность производственных отношений, характеризующих одну более или менее оформившуюся систему общественного хозяйства. В. И. Ленин указал в своих работах на возможность одновременного сосуществования различных общественно-экономических укладов. Так, в России после отмены крепостного права «капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой была, следовательно, переходная система, система, соединявшая в себе черты и барщинной и капиталистической системы»³.

Еще более сложный, многоплановый, переходный характер имел социальный строй России сразу после Великой Октябрьской социалистической революции.

¹ См. С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 4; его же, В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии (к 25-летию со дня смерти), «Сов. этнография», 1949, № 1; его же, Основные теоретические проблемы современной этнографии, «Сов. этнография», 1960, № 6; Ю. И. Семенов, В. И. Ленин о категории «общественно-экономический уклад», «Ученые записки Красноярского Гос. пед. Ин-та», т. 18, 1960; В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, «Сов. этнография», 1961, № 4; А. И. Першиц, Актуальные проблемы советской этнографии, «Сов. этнография», 1964, № 4, и др.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 44.

³ Там же, т. 3, стр. 186.

В. И. Ленин перечисляет в своих работах пять различных общественно-экономических систем или укладов, или экономических порядков России: «...первое — патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом, или полукочевом, а таких у нас сколько угодно; второе — мелкотоварное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок; третье — капиталистическое, — это появление капиталистов, небольшого частного хозяйственного капитала; четвертое — государственный капитализм и пятое — социализм»⁴.

Рисуя таким образом общую картину экономического строя послереволюционной России в 1918—1922 гг., В. И. Ленин говорил, что «Россия так велика и пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней»⁵. Если западные окраины России — Прибалтика, Украина и другие были в той или иной степени промышленно развитыми накануне Октября, а народы этих областей уже сложились в буржуазные нации, и в общественных отношениях там стал преобладать капиталистический уклад, то восточные окраины — большая часть Кавказа, Сибири и Севера, Средней Азии и Казахстана, представляли собою экономически отсталые районы, где господствовали докапиталистические феодальные, полуфеодальные и патриархальные отношения⁶. Народы этих областей в начале XX в. еще не прошли стадию капиталистического развития.

В своих работах В. И. Ленин обращал особое внимание на уклады, предшествовавшие капиталистическому. Он отмечал взаимосвязь и, в то же время, различия двух общественно-экономических укладов: мелкого натурального или патриархального⁷ и мелкотоварного мелкобуржуазного⁸. В. И. Ленин писал: «Ясное дело, что в мелкокрестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия; большинство, и громадное большинство, земледельцев — мелкие товарные производители»⁹.

Многоукладность, т. е. сосуществование наряду с прогрессивными устаревших укладов, являвшихся для более высокоразвитых областей давно пройденным этапом, была серьезным тормозом на пути экономического и культурного прогресса многих народов послереволюционной России.

В. И. Лениным разработано целостное и стройное учение о путях преодоления многоукладности и возможности перехода отсталых стран при определенных, исторически сложившихся, условиях к социализму, минуя капиталистическую стадию развития¹⁰. Он подчеркивал важность индустриализации и аграрных преобразований путем ликвидации феодализма, проведения аграрной реформы и передачи земли крестьянам, создания укрупненных кооперированных хозяйств и расширения внутреннего рынка, развития крупной промышленности и общего подъема экономики в стране. Ленинский путь приобщения к социализму отсталых народов национальных окраин Советской России стал реальностью в наши дни.

В СССР путь к социалистическому переустройству советского общества заключался в экономических преобразованиях и преодолении многоукладности. И советские ученые-обществоведы, в том числе этнографы, внесли свой посильный вклад в общую теоретическую и практическую

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 158; т. 45, стр. 279—280.

⁵ Там же, т. 36, стр. 296.

⁶ Там же, т. 30, стр. 35.

⁷ Там же, т. 36, стр. 295—297; т. 43, стр. 157—158, 436, 447—449; т. 45, стр. 279—280 и др.

⁸ Там же, т. 2, стр. 218—219; т. 36, стр. 295—296; т. 43, стр. 157—158, 206—207, 220—221, 279 и др.

⁹ Там же, т. 36, стр. 296.

¹⁰ Там же, т. 41, стр. 246.

работу по подъему хозяйства и культуры национальных окраин, ликвидации темноты и бескультурья многих народов. Практические нужды переустройства отсталых в прошлом областей потребовали историко-этнографического изучения форм и проявлений общинно-родового и патриархально-феодального укладов, переплетавшихся с более поздними общественно-экономическими укладами¹¹.

Особый интерес в этом плане представляет пример многих народов Средней Азии и Казахстана, где практически было осуществлено теоретическое положение В. И. Ленина о том, «что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹².

В конце XIX — начале XX в. в среднеазиатских ханствах и колониальных владениях царской России в Туркестане господствовали феодальные отношения, которые сочетались с пережитками патриархальных (т. е. первобытнообщинных отношений) и элементами развивающихся капиталистических отношений, особенно усилившихся после присоединения этих областей к России. Здесь в начале XX века у оседлых, кочевых и полукочевых народов в экономике сосуществовало несколько общественно-экономических укладов: патриархальный, мелкотоварный и развивающийся капиталистический. У более развитых народов Средней Азии и Казахстана (главным образом узбеки, таджики равнинных районов) преобладал мелкотоварный уклад, хотя развивались и элементы капиталистического, у других — особенно среди кочевых (туркмены, киргизы, казахи) и полукочевых (каракалпаки, полукочевые узбеки) и малочисленных народностей и этнографических групп в экономически отсталых изолированных горных районах — патриархальный, т. е. натуральный, несмотря на развивающиеся элементы мелкотоварного уклада.

Основываясь на учении В. И. Ленина об общественно-экономических укладах, советские этнографы вскрыли некоторые конкретные особенности многоукладных общественно-экономических структур, установили наличие пережиточных общественных форм, восходящих у некоторых народов к первобытнообщинному строю. Уже в конце 1920-х и в 1930-е годы появляются работы, посвященные одной из важных проблем этнографической науки — проблеме изучения конкретных форм сочетания патриархальных, феодальных или полуфеодальных отношений, которые были в тот период характерны и для значительной части народов Средней Азии и Казахстана. Эти пережиточные формы исторически развивались в условиях взаимодействия с более поздними и более прогрессивными общественными укладами. Исследователи показали, что у целого ряда народов (киргизов, туркмен, каракалпаков и др.) в XIX — начале XX в. так называемые «племена» и «родовые» группы под оболочкой рода скрывали глубокий классовый антагонизм и многообразные формы

¹¹ См. И. И. Зарубин, Список народностей Туркестанского края, Л., 1925; М. Немченко, Национальное размежевание Средней Азии, М., 1925; И. И. Зарубин (составитель), Этнографическая карта Самаркандской области в границах 1917 г., Л., 1926; Буров - Петров, На борьбу с байством и манапством, Фрунзе, 1927; Н. Брюлова - Шаскольская, Племенной и родовой состав туркмен, «Народное хозяйство Средней Азии», 1927, № 4; П. И. Кушнер, Манапство в горной Киргизии, «Революционный Восток», 1927, № 2; Г. Т. Токжанов, О казакском ауле, Кзыл-Орда, 1927; Э. А. Шмидт, Материалы по родовой составу казакского населения юго-западной части Чимкентского уезда, Ташкент, 1927; И. И. Умняков, Изучение культуры и быта Средней Азии в 1920—1927 гг. (по материалам Средазкомсаргиса), «Новый Восток», 1928, кн. 23—24; Этнографическая карта республик и областей Средней Азии, Ташкент, 1928; Л. П. Поталов, Материалы по семейно-родовому строю у узбеков кунград, «Научная мысль», 1930, № 1; С. М. Абрамзон, Современное манапство в Киргизии, «Сов. этнография», 1931, № 3—4; А. Н. Бернштам, Туркменский род и колхозы, сб. «Труд и быт в колхозах», т. II—«Колхозы Советского Востока», Л., 1931; Ф. А. Фиельс-труп, Исследования среди каракиргиз, сб. «Этнографические экспедиции 1924—1925 гг.», Л., 1926 и др.

¹² В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 41, стр. 246.

феодальной и полуфеодальной эксплуатации. Капиталистические отношения только зарождались. Эти исследования этнографов были направлены против националистических попыток эксплуататорских элементов затушевывать классовую борьбу на Востоке и представить родовую общину как готовую ячейку социалистического общества¹³.

Советские этнографы в отношении кочевых народов Средней Азии и Казахстана показали, что «решающее значение во всех этих объединениях кочевников, начиная с более крупных, типа племени, и кончая так называемыми «родами», включавшими в себя во многих случаях тысячи людей (а иногда и семей), играл классово-политический момент»¹⁴.

Социолого-этнографическое исследование в горной Киргизии, проведенное П. И. Кушнером в 1925 г.¹⁵, выявило, что родового строя у киргизов больше не существует, за формальной оболочкой «родового аула» скрыто классовое расслоение и деление на манапов (феодализирующуюся знать), богачей, середняков и бедняков. Главной целью этого исследования было выявление социальных корней манапства, что имело в то время большое практическое значение для правильного решения социальных проблем и национального вопроса на местах.

Таким образом советские этнографы включились в решение «одной из первоочередных политических задач»¹⁶.

В последующие годы выходит целая серия работ, убедительно свидетельствующих о стойкости родоплеменных делений у народов Средней Азии и Казахстана, которые нередко — как это показала на примере каракалпков в своем исследовании Т. А. Жданко — отражались на типе расселения, на системе управления каракалпаками в пределах существовавшего до 1920 г. Хивинского ханства¹⁷.

Однако «те ячейки каракалпакского общества, которые продолжали носить название рода («уру»), по своему социально-экономическому содержанию ни в коей степени уже не соответствовали роду как организации первобытнообщинного строя»¹⁸.

В отношении туркмен тоже самое прослежено целым рядом исследователей, в частности Г. И. Карповым, С. П. Толстовым, Г. П. Васильевой, Г. Е. Марковым и Я. Р. Винниковым. Последний, например, подчеркивает, что «водо-земельная община в условиях Мургабского оазиса уже с момента своего возникновения, а тем более в дальнейшем, коренным образом отличалась от родовой общины бесклассового общества»¹⁹.

¹³ П. И. Кушнер, Горная Киргизия, М., 1929; А. Н. Бернштам, Проблемы распада родовых отношений у кочевников Азии, «Сов. этнография», 1934, № 6; С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, «Известия Государственной академии истории материальной культуры», 1934, № 103; Л. П. Попов, К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников, КСИЭ АН СССР, вып. III, 1947; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпков, ТИЭ АН СССР, т. IX, М.—Л., 1950; С. М. Абрамзон, Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии, сб. «Родовое общество», ТИЭ АН СССР, т. XIV, М., 1951; Б. В. Андрианов, Социально-экономический строй каракалпков по данным статистико-экономического обследования Аму-Дарьинского отдела 1912—1913 гг., «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959; Н. А. Кисляков, Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX в., ТИЭ АН СССР, т. LXXIV, М., 1962.

¹⁴ С. М. Абрамзон, Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии, стр. 155.

¹⁵ П. И. Кушнер, Горная Киргизия, стр. 4—5, 42—43 и др.

¹⁶ С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, стр. 13.

¹⁷ Т. А. Жданко, Указ. раб., стр. 8.

¹⁸ Там же, стр. 94.

¹⁹ Г. И. Карпов, Племенной и родовой состав туркмен, Полторацк (Асхабад), 1925; С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1936, № 9—10; Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, М., 1954; Я. Р. Винников, Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР, там же, стр. 10.

Патриархально-феодалные отношения среди различных групп оседлого населения Средней Азии глубоко исследовались в работах Н. А. Кислякова²⁰, М. С. Андреева²¹, А. Н. Кондаурова²², С. М. Абрамзона и других советских этнографов.

Полученные путем непосредственного наблюдения живой действительности, этнографические материалы, характеризовавшие общественно-экономические уклады, сыграли свою роль в практических мероприятиях Советской власти по изживанию экономической и культурной отсталости, выравниванию уровней социально-экономического развития ранее угнетенных народов. Значение этнографических материалов особенно проявилось при определении конкретных форм хозяйственного и культурного преобразования отсталых национальных окраин. Изучение культурных традиций, современного быта, общественных отношений сложной многоукладной социальной структуры отдельных народов Средней Азии и Казахстана, помогло в определении методов ликвидации архаических культурно-бытовых традиций, тормозивших социалистические преобразования. Средняя Азия и Казахстан в первые годы Советской власти оставались аграрными районами, с преобладанием крестьянских хозяйств и, как мы видели, сохраняли значительные пережитки феодальных и патриархально-феодалных отношений. Поэтому социалистические преобразования начались с перестройки сельского хозяйства и организации индустриальных центров. Преобразования шли по пути изживания патриархального и мелкотоварного укладов, ликвидации частной собственности на землю, ее национализации, проведения земельно-водной реформы. Социалистические преобразования в области сельского хозяйства, начавшиеся в форме кооперирования, нашли широкую поддержку всех трудящихся крестьян и завершились созданием крупных коллективных хозяйств.

Социалистическое переустройство сельского хозяйства и изживание архаических общественно-экономических укладов проводилось с учетом местных особенностей. Так, например, в Самаркандской области Узбекистана «большая часть первых коллективных хозяйств носила характер коммун, меньшая — артелей... Однако многие коммуны этих лет вскоре распались... Гораздо более приемлемой первичной формой кооперации оказалось товарищество по совместной обработке земли»²³.

С первых лет установления Советской власти патриархальный уклад в деревне начал уступать место различным видам «кооперативных объединений, начиная от самой низшей ступени — сбыто-снабженческой, мелиоративной и кредитной — до высшей производственной формы кооперации — колхозов»²⁴. Например, в скотоводческих районах Туркмении, где туркмены вели кочевую или полукочевую жизнь, они еще в начале 30-х годов сохраняли патриархальные пережитки. Здесь необходимо было в первую очередь создать условия для перехода кочевых и полукочевых скотоводов на оседлость. В этом деле «важным фактором... явилась национализация колодцев и скота феодалов и баев и передача их совхозам и вновь организованным товариществам скотоводов по совме-

²⁰ Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахно-Боло, М.—Л., 1936; его же, Патриархальная семья у таджиков долины Ванджа, в кн. «Вопросы истории доклассового общества», М.—Л., 1936; его же, Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века, ТИЭ АН СССР, т. LXXIV, М.—Л., 1962.

²¹ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. 1, Сталинабад, 1953; вып. II, Сталинабад, 1958.

²² А. Н. Кондауров, Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, М.—Л., 1940.

²³ «Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969, стр. 85.

²⁴ Я. Р. Винников, Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР, стр. 110.

стному использованию пастбищ и выпасу скота, преобразованным позже в колхозные животноводческие фермы»²⁵. Особенно значительные изменения быта и всего уклада произошли в связи с процессом перевода на оседлость массы кочевников среди казахов и киргизов. Господствующим укладом хозяйства стал социалистический уклад.

Весьма сложными были процессы социально-экономического развития среди мелких этнографических групп и небольших отдельных народностей нашей страны — Севера и Сибири, горных областей Кавказа и Средней Азии²⁶.

Ярким примером преодоления многоукладности и осуществления на практике ленинского положения о некапиталистическом пути развития являются социалистические преобразования в экономике, быту и культуре припамирских народностей²⁷ (иначе называемых этнографами припамирскими таджиками). Этим термином исследователи обозначают группу родственных ираноязычных народностей — язгулемцев, рушанцев, шугнанцев, ваханцев и других, живущих в западных районах Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. В результате завоеваний Октябрьской социалистической революции они получили в 1925 г. национальную государственность в форме автономной области в составе Таджикской ССР и при помощи братских народов нашей страны, особенно русских и таджиков, прошли путь глубоких социальных преобразований, завершившихся переходом их от докапиталистических отношений к социализму.

До Октябрьской революции припамирские народности жили в условиях полузависимых феодальных владений, часто враждовавших между собой. В начале XX в. господствующим был патриархальный, т. е. в значительной степени натуральный уклад, тот самый уклад, который В. И. Ленин, определяя элементы различных укладов, характеризовал как «патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство»²⁸.

Натуральное хозяйство (вместе с домашними промыслами, не отделившимися от сельского хозяйства) обеспечивало всем необходимым крестьянскую семью. Элементы натурального уклада в хозяйстве припамирских народностей к моменту установления Советской власти существовали с элементами мелкотоварного уклада, так как некоторые хозяйства сбывали часть своей продукции на рынок в соседние страны. Развита была главным образом меновая торговля между отдельными припамирскими народностями и соседними с ними мургабскими киргизами. Меновая торговля осуществлялась обычно через своеобразный институт «партнерства по обмену» или «дружбы». Часто шугнанец долины Шах-Дары, верховьев Гунта, бартангец или ваханец «дружил» с кем либо из киргизов; они ездили периодически друг к другу в гости и обменивались продуктами своего хозяйства; изделия киргизов — уздечки

²⁵ Я. Р. Винников, Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР, стр. 114.

²⁶ Т. А. Жданко, Ленинская национальная политика на новом историческом этапе (к проблеме развития социалистических наций Средней Азии на пути к коммунизму), «Сов. этнография», 1960, № 2; В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Указ. раб.; В. И. Козлов, Динамика численности народов, Методология исследования и основные факторы, М., 1969, и др.

²⁷ М. С. Андреев, Указ. раб.; Л. Ф. Моногарова, Материалы по этнографии язгулемцев, «Среднеазиатский сборник», II, М., 1959; А. К. Писарчик, Припамирские таджики, «Народы Средней Азии и Казахстана» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. I, М., 1962, стр. 657—682; Л. Ф. Моногарова, Современные этнические процессы на Западном Памире, «Сов. этнография», 1965, № 6; сб. «Крыша мира», Душанбе, 1965; М. Шергазиев, Борьба коммунистической партии за ликвидацию экономической и культурной отсталости Советского Памира (1920—1941 гг.), Душанбе, 1966, Автореферат канд. дисс.

²⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 207.

сбрую, подседельники, конские плети, вьючные сумы, кошмы припамирцы приобретали в обмен на зерно, шерстяную ткань для халатов и т. п.

Редкие заезжие торговцы из Кашгара, Читрала и Афганского Бадахшана также обычно меняли свои товары на продукты хозяйства припамирцев. Иногда сами припамирцы ездили со своими изделиями в соседние страны, где продавали их на базаре. Базаров на Западном Памире не было. Углубление социального расслоения, вызванного проникновением товарно-денежных отношений, способствовало развитию отходничества в крестьянских семьях²⁹.

За годы Советской власти индивидуальная меновая торговля была вытеснена кооперативной и государственной, что в значительной степени способствовало ломке патриархального уклада у горцев Западного Памира.

В. И. Ленин придавал особо важное значение путям, способным «облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму»³⁰. Одним из главных условий этого перехода В. И. Ленин считал организацию Советов и обращал внимание партийных и советских работников на то, что «идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»³¹.

На Западном Памире после укрепления Советской власти и решения политических задач первоочередной экономической задачей стало проведение земельно-водной реформы. Весной 1922 г. земельно-водная реформа была проведена у шугнанцев и рушанцев. Крестьянам передали конфискованные у баев и духовенства земли. В результате общего передела земель крестьяне получили на человека от одного до трех «кавчей» («кавч» — площадь земли, на которой можно высеять около 23 кг зерна)³². Бедняки получили от государства безвозвратные ссуды для приобретения сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота.

Большое значение в преобразовании хозяйственной жизни области имел 2-й съезд Советов Западного Памира (проходивший в Хороге с 1 по 5 апреля 1924 г.). На этом съезде были приняты решения о создании трудовых артелей для общественной обработки земли, о восстановлении старой и строительстве новой ирригационных систем, об организации кооперативной торговли. Трудящиеся понимали полезность производственных артелей и горячо поддерживали это начинание Советской власти. Навыки коллективного, общинного труда сделали более понятными для крестьян эти первичные формы коллективизации сельского хозяйства. Такие формы коллективной работы, как «хашар» или «киряр» — традиционная родственная и коллективная взаимопомощь при различных хозяйственных работах — дожили до нашего времени. Кроме того, беднейшие крестьяне вплоть до коллективизации объединялись в своеобразные «товарищества» — группы нескольких, часто родственных семейств, при жатве, выносе удобрений на поля и т. д. Нередко хозяйства, не имеющие тяжелой силы или орудий труда, объединялись и пользовались ими по очереди. Иногда 2—3 бедняцких хозяйства (так как многие имели по одному быку, а для пахоты требуются два), объединив рабочий скот и сельскохозяйственные пахотные орудия, сначала сообща вспахивали поле одной семьи, потом поочередно следующим, затрачивая на пахоту несколько дней, в зависимости от количества подлежащей обработке земли³³. Н. И. Вавилов, приезжавший в этот период на Памир, подчер-

²⁹ «История таджикского народа», т. II, кн. 2, М., 1964, стр. 222.

³⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 229.

³¹ Там же, т. 41, стр. 244—245.

³² «История таджикского народа», т. III, кн. I, стр. 134—135.

³³ Полевые записи Л. А. Булановой и Л. Ф. Моногаровой от 29/IX—1967 г., кишлак Барзуд, Рушанского сельсовета Рушанского района; Л. Ф. Моногарова, Язгулемцы. Автореферат канд. дисс., М., 1951, стр. 6.

живал, что «большие селения живут коммунами. Применяется общинная работа по обмолоту и очистке зерна»³⁴. Производственные кооперативы простейшего типа (ТОЗ'ы), создававшиеся в области с 1932 г., поэтому легко привились в производственном быту припамирских крестьян. Товарищества по совместной обработке земли преобладали в области до 1937 г. Коллективизация в ее высшей форме — сельскохозяйственной артели (колхоз) началась на Западном Памире в 1933 г. Первые 20 колхозов объединяли 3,5% крестьянских хозяйств и 7,1% всей посевной площади³⁵.

Массовая коллективизация на Западном Памире проводилась с 1937 года, когда насчитывалось 57,4% хозяйств, охваченных коллективизацией; к весне 1938 г. 70% хозяйств было объединено в 86 колхозах. В 1939—1940 гг. ТОЗ'ы стали постепенно переходить на устав сельскохозяйственной артели. В 1940 году колхозы уже объединяли 95,8% крестьянских хозяйств³⁶. Так постепенно в условиях социализма у припамирцев, как и у других народов нашей страны, «классы мелких натуральных и мелких товарных производителей превратились в класс колхозного крестьянства...»³⁷.

За годы Советской власти, благодаря всенародной помощи (в первую очередь русского и таджикского народов), у припамирцев хозяйство из натурального, патриархального, превратилось в социалистическое³⁸.

Победа колхозного строя, появление индустриальных очагов, культурные преобразования, всеобщая грамотность, непрерывный рост материального благосостояния народных масс — все это способствовало переходу прежде отсталых колониальных народов горного Памира за несколько десятилетий к социализму.

Научное предвидение В. И. Лениным возможности ускоренного социально-экономического и культурного развития отсталых народностей России минуя капитализм, воплощенное в жизнь в условиях первого в мире многонационального социалистического государства, в наши дни приобретает огромное международное значение для выбора генерального пути развития экономики и культуры в развивающихся странах Африки и Азии.

Пятьдесят лет назад В. И. Ленин относил 70% всего населения земли к угнетенным колониальным и зависимым народам³⁹. В наше время образование социалистической системы и крах старых колониальных империй коренным образом изменили политическую карту мира.

Стремление освободившихся стран вырваться из отсталости ставит перед ними задачу преодоления многоукладности, как это имело место в свое время у народов Средней Азии.

В основном документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. говорится: «Некоторые молодые государства вступили на некапиталистический путь — путь, который обеспечивает возможность ликвидации отсталости, унаследованной от колониального прошлого, и создания условий для перехода к социалистическо-

³⁴ Н. И. Вавилов, У Памира (Дарваз, Рушан, Шугнан), в кн.: П. А. Баранов, А. Н. Гурский, Л. Ф. Остапович, Земледелие и сельскохозяйственные культуры Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, Душанбе, 1964, стр. 24.

³⁵ М. Шергазиев, Указ. раб., стр. 14.

³⁶ П. А. Баранов, А. Н. Гурский, Л. Ф. Остапович, Указ. раб., стр. 74; Ф. Амануллаев, Развитие сельского хозяйства колхозов Советского Памира, Сталинабад, 1957, стр. 22.

³⁷ Ю. И. Семенов, Указ. раб., стр. 233.

³⁸ И. М. Клеандров, Развитие народного хозяйства Горно-Бадахшанской автономной области, «Проблемы развития и размещения производительных сил Таджикской ССР», Душанбе, 1967, стр. 252—253.

³⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 352—356.

му развитию. Социалистическая организация в этих странах пробивает себе дорогу, преодолевая большие трудности и испытания»⁴⁰.

Особенно велики социально-экономические контрасты в Африке: от небольших бродячих групп бушменов — примитивных собирателей и охотников Калахари, и сейчас живущих родовым строем, до крупных народностей с оформившимися феодальными отношениями (например, хауса, канури и фульбе в Нигерии) и многомиллионных наций (египтяне, тунисцы и др.)⁴¹. Так почти все исторические формы досоциалистических общественных отношений, соответствующие самым различным стадиям социального развития человечества, реально существуют в современной Африке. В некоторых районах они тесно переплетаются между собой, сосуществуют и образуют как бы звенья постепенных переходов, между которыми трудно уловить грани.

Колониализм оставил Африке тяжелое наследство и множество нерешенных проблем, важное место среди которых занимают проблемы экономического прогресса, преодоления многоукладности, а также национального развития в современных политических границах путем сплочения разнородных этнических групп и образования таких этнических общностей, как народности и нации.

Стремясь разобщить борющиеся за свое освобождение народы, колонизаторы и неокolonизаторы долгое время прилагали усилия для консервации докапиталистических отношений, племенной организации и феодально-племенной раздробленности, а реакционная буржуазная этнография всячески подчеркивала и преувеличивала отсталость народов, этническую и культурную раздробленность, рисуя этнический состав населения африканских стран как хаотический конгломерат почти не связанных между собой диких племен и народностей⁴². Напротив, советские этнографы, опираясь на ленинское учение об укладах, выявили, что племя и родовая община у многих африканских народов являются искусственно сохраняемой формой, не соответствующей новому содержанию⁴³, что за внешней пестротой этнических самоназваний уже кроются большие складывающиеся общности, существуют социальные классовые структуры.

Они показали, что в ходе антиколониальной революции, объединявшей народы без различия племенной принадлежности, языка и культуры, в африканских странах были заложены основы и намечены контуры национально-политических общностей — будущих наций. Основой для этого объединения явился антиколониализм. В ходе национально-освободительных революций образовывалась направленная против колонизаторов общность интересов разнородных социальных, этнических и религиозных групп населения. Все классы колониального общества, кроме узкого круга лиц, тесно связанных с колонизаторами, были заинтересованы в национальной независимости и создании суверенного национального государства. Для этого этапа освободительной борьбы характерна высокая политическая активность широких народных масс и всенарод-

⁴⁰ См. «Правда» от 18 июня 1969 г.

⁴¹ Б. В. Андрианов, Проблемы формирования народностей и наций в странах Африки, «Вопросы истории», 1967, № 9, стр. 109.

⁴² См. G. T e s s m a n n. Volksstämme Cameruns, «Petermanns Mitteilungen», № 78, 1932; H. C. Bruce, Tribal map of Negro Africa, New York, 1956; G. P. Murdock, Africa. Its peoples and their culture history, New York — Toronto — London, 1959.

⁴³ И. И. Потехин, Некоторые проблемы этнографического изучения народов колониальных стран, «Сов. этнография», 1951, № 3; его же, Формирование национальной общности южноафриканских банту, ТИЭ АН СССР, т. XXIX, 1955; его же, Задачи изучения этнического состава Африки в связи с распадом колониальной системы, «Сов. этнография», 1957, № 4; его же, Африка смотрит в будущее, М., 1960, его же, Некоторые проблемы африканистики в свете решений XXII съезда КПСС, «Народы Азии и Африки», 1962, № 1; «Народы Африки» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1954, и др.

ность национально-освободительных движений; пережитки родоплеменной идеологии и феодальный сепаратизм были подчинены общим интересам национального единения.

В настоящее время национально-освободительные движения в Африке вступили в новый этап, основные задачи которого связаны не только с национальным освобождением и достижением экономической независимости, но и с коренным преобразованием общества, ликвидацией эксплуатации, нищеты и невежества. На этом этапе развитие национальных процессов особенно тесно переплетается с общим социально-политическим и экономическим развитием общества.

Современная экономика подавляющего большинства стран Африки отличается многоукладностью, сложным переплетением натурального сельскохозяйственного производства, сочетающего общинное и частное землевладение, с развивающимся товарно-денежным производством, с феодальными и даже капиталистическими формами эксплуатации, с зарождающимся в ряде стран государственным сектором⁴⁴.

Разнообразие уровней социально-экономического развития отдельных народов и различных социальных и этнических групп населения — вот наиболее характерная черта, определяющая особенности развития современных социальных и этнических процессов в Африке.

Это особенно ярко может быть проиллюстрировано на материале, характеризующем различные уровни социально-экономической дифференциации и степени развития товарных капиталистических отношений в африканских странах.

В Африке основная масса населения (до трех четвертей самостоятельного населения) занята в сельском хозяйстве (в Эфиопии, Гвинее, Танзании — даже около 90%, в Чаде, Нигере, Того, — свыше 80%). Во многих странах Африки сохраняется натуральное замкнутое производство с существованием незначительной и нерегулярной меновой торговли. Это относится в равной степени к скотоводческим народам Северной Африки (кочевые арабские и берберские племена Сахары)⁴⁵ и Восточной Африки (нилоты — динка, нуэр и др.)⁴⁶, и к оседлоземледельческим народам Экваториальной Африки (народы банту Конго и др. стран), где практикуется тропическое подсечно-огневое земледелие, не создающее фактически излишков продукции; кроме того, здесь на обширных территориях возделываются весьма однородные сельскохозяйственные культуры⁴⁷, что затрудняет развитие товарообмена. У целого ряда наиболее отсталых народов (например, пигмейские племена, хадзапи или вакинди у оз. Эяси, бушменские племена Южной Африки и др.) еще преобладает наиболее древнее охотничье-собираческое направление хозяйства, чему соответствуют сохраняющиеся первобытнообщинные социальные отношения⁴⁸. Община, состоящая из представителей разных родов, является хозяйственным коллективом у многих первобытных охотников и собирателей⁴⁹.

⁴⁴ Р. Ульяновский, О некоторых вопросах некапиталистического развития стран Азии и Африки, «Проблемы мира и социализма», 1969, № 9, стр. 83.

⁴⁵ G. Nachtigal, Sahara und Sudan, 2 vols, Berlin, 1879—1881; Р. Капо Рей, Французская Сахара, пер. с франц., М., 1958; А. И. Першиц, Общественный строй туарегов Сахары в XIX в., Сб. «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968, стр. 320—355.

⁴⁶ E. Evans-Pritchard, The Nuer, Oxford, 1940; E. J. Butt, The Nilotes of the Anglo-Egyptian Sudan and Uganda, London, 1952.

⁴⁷ См.: И. А. Сванидзе, Сельское хозяйство Северной Родезии, М., 1963; А. Б. Летнев, Деревня Западного Мали, Социально-экономический очерк, 1950—1960 гг., М., 1964, и др.

⁴⁸ См. P. Schebesta, Bambuti, Leipzig, 1932; H. Trilles, Les Pygmées de la forêt équatoriale, Paris, 1932.

⁴⁹ В. Р. Кабо, Первобытная община охотников и собирателей, Сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1968, стр. 223—324.

В широкой зоне, где господствует натуральное замкнутое производство, есть значительные области (в Центральной и Западной Африке, в зоне саванн вдоль южной границы Сахары) с преобладанием «немонетных» форм торговли⁵⁰. В качестве эквивалента здесь применялись еще недавно раковины каури, отрезки тканей, куски металла, миниатюрные железные мотыги и т. п. Фактически эта зона включает две подзоны — одну, связанную с торговлей через Сахару (находящейся теперь в упадке), и другую — соединяющую скотоводов саванн и полупустынь с оседлыми земледельцами экваториальных лесов⁵¹.

Экономический уклад у оседлоземледельческих народов экваториального леса по степени развития и характеру торговли весьма близок к типу натурального производства. Однако экваториальные банту ведут с давних времен относительно большой торговый обмен, используя различные формы железных или медных денег⁵². На северо-востоке континента среди сомали, афар и галла внутренняя торговля сводится к взаимному обмену скотоводческой продукции на зерно и ткани⁵³, в некоторых районах в качестве денег используются даже бруски каменной соли.

В настоящее время обширные области в Африке уже втянуты в мелкотоварное производство, здесь широко используются современные деньги. Это города и многие деревни Гвинейского побережья Западной Африки (Гана, Берег Слоновой Кости и др.) и страны Северной, Восточной и Южной Африки. Внутренняя торговля часто связана с земледелием экспортной ориентации (культуры какао, кофе, арахиса, сахарного тростника и хлопчатника). В странах с развитым экспортным земледелием (Сенегал, Гамбия, Сьерра-Леоне, Берег Слоновой Кости, Гана) роль поставщиков сезонной рабочей силы играют внутриконтинентальные районы и соседние страны (Верхняя Вольта, Малави и др.). Например, в Гане и Береге Слоновой Кости сезонные отходники составляют основную массу (до 90%) наемных рабочих в плантационных хозяйствах. В Восточной Африке отходничество осуществляется в крупных масштабах из Руанды и Бурунди и ближайших районов Танзании в Уганду, из Мозамбика — в южную и приморскую часть Танзании, из Танзании, Малави и Мозамбика — в промышленные районы Замбии, Южной Родезии и ЮАР. Общая численность лиц наемного труда за годы после второй мировой войны возросла более чем в 3 раза и оценивается примерно в 20 млн. чел. В наиболее экономически развитых странах Африки рабочие и служащие составляют не менее одной трети самодельного населения: в ОАР — 49,4% (1960 г.), Тунисе — 37,8% (1956 г.) и др. В развивающихся странах Тропической Африки доля лиц наемного труда среди самодельного мужского населения составляет примерно одну пятую часть (в Замбии, Малави, Южной Родезии — до половины, в Конго, Анголе — третью часть). Пролетариат сосредоточен преимущественно в плантационном хозяйстве, горнодобывающей промышленности, на переработке сельскохозяйственного сырья и на строительных работах.

Африка — наименее урбанизированная часть света. Однако за последние десять лет удельный вес городского населения увеличился с 10 до 20%.

⁵⁰ D. H. Reader, A survey of categories of economic activities among the peoples of Africa, «Africa», vol. XXXIV, № 1, 1964.

⁵¹ «Народы Африки», стр. 133—142; Д. А. Ольдерогге, Западный Судан в XV—XIX вв. Очерки по истории и истории культуры, М.—Л., 1960.

⁵² P. Bohannan, The impact of money on an African subsistence economy, «Journal of Economic History», 1959, p. 491—503; P. Bohannan, G. Dalton, Introduction in: «Markets in Africa», New York, 1965.

⁵³ J. M. Lewis, Peoples of the Horn of Africa: Somali, Afar and Saho, London, 1955.

Значение этих социально-демографических сдвигов для общественной жизни африканских стран трудно переоценить. Вспомним, что В. И. Ленин считал, что «неземледельческий отход представляет из себя явление прогрессивное. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолуствий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни»⁵⁴.

В начале XX в., когда европейские державы завершили расчленение африканского континента на колониальные владения, в Африке столкнулись различные общественно-экономические системы: первобытнообщинный строй, ранний феодализм и монополистический капитализм. Основной экономической процесс шел по линии постепенного внедрения товарного хозяйства. Можно проследить по крайней мере четыре стадии развития товарного хозяйства: натуральное хозяйство; полунатуральное хозяйство, где лишь в урожайные годы часть излишков сельского хозяйства продавалась или выменивалась на другие товары; полутоварное хозяйство, где продукты ежегодно поступали на рынок; развитое товарное хозяйство, где товарная продукция ежегодно превышала потребительскую.

Потребительское африканское сельское хозяйство обусловлено экономической и политической изолированностью областей, господством феодальных или патриархально-родовых порядков, узостью и отсталостью идеологических представлений, этнической раздробленностью, поддерживаемой старыми традициями. Напротив, государственный сектор и частнопредпринимательское товарно-денежное хозяйство связаны с непрерывным расширением районов производства и обмена, смешением различных этнических групп населения, появлением объединительных тенденций и в экономике, и в общественной жизни. Эти уклады стимулируют возникновение и развитие новых, более широких форм социального и этнического самосознания.

Внутреннее развитие молодых стран Африки определяется борьбой противоречивых тенденций: тенденции свободного национального развития в интересах широких трудовых масс по некапиталистическому пути и тенденции насаждения и укрепления капиталистических отношений под эгидой империализма. Процессы классообразования еще не завершены, социальная дифференциация не так глубока и менее значительна, чем в большинстве стран Азии. Но завоевание независимости в ряде стран способствовало усилению социального неравенства (обогащению правящих групп); оно усилило в некоторых странах позиции местных феодалов и в то же время увеличило возможности создания классов капиталистов из африканцев там, где он не успел зародиться в колониальный период. Эксплуататорские слои населения — феодальные и патриархально-феодальные правители, религиозная верхушка, торговая промышленная буржуазия и быстро растущая бюрократия — пытаются использовать тяжелое наследие колониализма, незавершенность этнических процессов и этническую обособленность в своих классовых и сепаратистских интересах.

Для большинства стран Африки еще характерны значительное разнообразие условий социально-экономического и политического развития переходного периода, сосуществование укладов: родоплеменного, патриархально-феодального, мелкотоварного, национального частнопредпринимательского, хозяйства, связанных с иностранным капиталом, государственно-капиталистического.

В ряде же освободившихся стран развитие капитализма ограничено, появился государственный некапиталистический сектор, который постепенно занимает ведущее место. Положено начало принципиально новому направлению развития освободившихся стран.

⁵⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 356—357.

Без преодоления многоукладности, без социальной и этнической интеграции невозможен экономический и культурный прогресс африканских народов.

Для развивающихся стран Азии и Африки особенно нагляден пример народов Советского Союза, которые благодаря социалистическому строительству и национальной политике Коммунистической партии и Советского государства, основывающихся на ленинском учении о некапиталистическом пути развития, за короткий срок перешли от патриархально-феодалного строя к социализму. Советские этнографы внесли посильный вклад в практическое дело преобразования слаборазвитых национальных окраин. Они выявили у некоторых народов классовую сущность общественных структур, внешне сходных с первобытнообщинными; были намечены практические пути изживания пережитков архаических укладов.

В данной статье мы попытались на исторических примерах социально-экономического развития ряда советских среднеазиатских народов и народов Африки показать глубокое методологическое и практическое значение ленинского учения об общественно-экономических укладах.

SUMMARY

Lenin's teaching on social-economic systems has played an important role in the development of Soviet ethnography. Its activity has been motivated by the practical needs of socialist construction and of the transformation of the economy and culture of former Russia's national outlying regions. A good example of the non-capitalist way of evolution is the destiny of the peoples of Middle Asia, and among them that of the Pamir peoples; their example has international value for the developing countries of Africa and Asia which stand before a choice of the way to progress.

Social-economic contrasts are especially strong in African countries where colonialism has left a heavy legacy and many involved problems. Among the most important of these are problems of economic progress and those of nationality development within present-day political boundaries. Ethnographic study of the changes in the life of African peoples will enrich Marxist theory of national processes.
